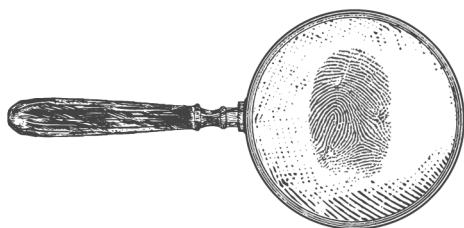

Лиза Лосева

Черный чемоданчик
ЕГОРА ЛИСИЦЫ

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л79

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *Н. Каптыркиной*
Во внутреннем оформлении книги
использованы иллюстрации *Александра Верещака*

Лосева, Лиза.

Л79 Черный чемоданчик Егора Лисицы / Лиза Лосева. —
Москва : Эксмо, 2022. — 288 с.: ил.

ISBN 978-5-04-168307-8

Пора надежд и невзгод — 20-е годы в России прошлого века. Южный город, «маленький Париж», где смешались большевики, масоны и местные банды. Молодой врач Егор Лисица расследует преступления при помощи передовой науки — криминалистики. Ночью его вызывают в штаб, где найден мертвый телеграфист. Но уже через пару дней в составе отряда Лисице приходится покинуть город, чтобы доставить ценный груз к морю. Связано ли убийство телеграфиста с миссией отряда? Что хранит черный чемоданчик Егора Лисицы и поможет ли знание прогрессивных научных методов молодому врачу?

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-168307-8

© Лосева Л., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Город построили на дне. Дома все были с белыми боками — из ракушечника. Этого камня осталось много после того, как море ушло сотни лет назад. Его брали для строительства города, для чего рыли глубокие ходы в склонах холмов. Об этом мне рассказал мой друг, горячо увлеченный студент-биолог. Море ушло, но осталась река, очень широкая. И, оглядываясь назад, я всегда вижу город будто сквозь желтоватую речную воду. Он, как желтая скибка дыни, золотой от солнца.

Город стоит на берегу. Запах реки, камыша, свежий, кисловатый, в городе повсюду. И здесь, на главной улице, — тоже. Ветер приносит его в особняк семьи купца Пармонова, где теперь штаб Добровольческой армии. Сам купец с женой и детьми благо-

получно отбыл за границу. А мы с военным врачом Эбергом и судебным следователем Курнатовским стоим под стеклянным потолком в зимнем саду, откуда давно унесли все кадки с растениями.

Не считаю я пока, что готов стать следователем. Меня немного мутит от запаха крови и еще сильнее — от усталости, и думать о деле мне тяжело. А ведь Курнатовский взял меня с собой именно для дела. Он совершенно справедливо указал мне на то, что мы должны послужить своей стране. Сколько успеем, а там как выйдет, потому что будущего своего теперь никто не знает. Кроме, пожалуй, телеграфиста, который лежит перед нами в зимнем саду особняка штаба без пальцев на руках и с улыбкой на лице, такой настоящей, широкой, почти радостной улыбкой, — абсолютно и давно мертвый.

Глава первая

РОСТОВ. НАЧАЛО

Стояли мы над несчастным мертвым телеграфистом, когда река от дождей и талого снега разлилась так широко, что по станицам и даже по городу ходили на лодках. День с мелкой моросью и туманом, неприятный, тяжелый, как мокрая старая вата, давал мало света. Пухлая магниевая вспышка полицейского фотографа освещала тело, а большая комната оставалась в тени.

Хотя коммерсант Парамонов сам передал свой красивый, обставленный с любовью особняк Добровольческой армии, думаю, он был бы не рад увидеть, что от широкой гостиной ничего не осталось. Вся

мебель убрана. У стен расставлены ящики, походная картотека. Неуместно нарядные зеркала в сложных рамах отражают механизм и путаницу блестящих проводов какой-то машины, похожей на огромную шарманку, и пристроенный рядом буквопечатающий телеграфный аппарат Юза с черными и белыми клавишами, как у рояля. На этом легкомысленные сравнения кончаются, и остальная обстановка комнаты напоминает о казарменном порядке. Ряды конторских столов, канцелярские папки, цветные флажки на картах.

Отопления нет во всем городе, и здесь даже камин давно не горит — вместо этого в углу переносная железная печка. Но все равно так холодно, что у всех пар идет изо рта. У всех, кроме мертвого тела в центре комнаты. Тело это еще недавно было телеграфистом штаба Добровольческой армии — субтильным, суетливым, любившим долго и многословно поговорить, немного занудой Василием Вареником. У него была смешная походка: на ходу он чуть раскидывал носки ботинок с аккуратными блестящими галошами в стороны, как будто слегка маршировал. Вот и теперь носки его ботинок немного

разведены в стороны, но руки лежат вдоль тела, прямо по строевому уставу. Это странно, ведь здесь явно шла борьба.

Один из столов опрокинут, другой выдвинут, и угол его запачкан кровью. Кроме того, на правой кисти телеграфиста не хватает трех пальцев. Отрезаны они, на первый взгляд, не одним усилием, но однозначно чем-то чрезвычайно острым. Лицо мертвеца повернуто вверх, к стеклянному куполу потолка, по которому дождь тащит неширокие пласты февральского снега.

Судебный следователь Курнатовский перекрестился и присел перед телом, рассматривая странную улыбку-оскал на мертвом лице. Поскольку я приглашен сюда как судебный врач, то позволяю себе замечание.

— Я вас прошу: ничего не трогайте! — пришлось это сказать, хоть и знаю, что Курнатовский не терпит замечаний от подчиненных.

Но в комнату то и дело заглядывают любопытные, и с минуты на минуту сюда должно прибыть самое высокое начальство. Осмотреть тело я должен раньше.

— Улыбка... Егор, вы раньше видели такое?

Курнатовский со мной накоротке, и я не против фамильярности, ведь благодаря ему

я здесь. К тому же я немного волнуюсь: до этого мне ни разу не приходилось работать полностью самостоятельно. Но в то же время я вполне уверен, пусть не в себе, но в науке, которую считаю своим призванием.

Постепенно и разговоры, и шуршание дождя пополам с мокрым снегом по окнам я перестаю слышать, сосредоточившись на деле. Прижимаю ковер — он влажный, но не от крови, а от воды. Дожди идут третий день подряд. Крови из изуродованной кисти совсем немного, значит, пальцы отрезали после смерти. А вот отчего смерть? Пулевых и ножевых ранений на теле нет. На затылке — травма. Испачканный кровью угол массивного стола явно виновник разбитого затылка, но он ли причина смерти? И этот спазм мышц, «улыбка» — ее я объяснить не могу.

Сложно определить и время смерти. Эта новая для судебных медиков процедура не всегда дает точный ответ. Из передовых статей французского криминалиста Лакасая, главы Лионской школы судебных медиков, я знаю, что сделать это можно при помощи данных о посмертном охлаждении тела. В первые три-четыре часа после смерти температура падает примерно каждый

час на один градус. Но в комнате так холодно! Точно определить не выйдет, пожалуй, я рискнул бы назвать время после полуночи, но до рассвета.

Пока я занят первичным осмотром, к Курнатовскому подходит военный врач Эберг.

— Курнатовский, позвольте на несколько слов.

Видимо, начальство уже здесь.

* * *

— Снова с помощником? Не вижу необходимости в присутствии врача на месте преступления. Простите, скажу прямо, и репутация сомнительна. Эберг — врач с большим опытом... А тут, извините, студент. Да и то, по-моему, бывший.

— Это не дело Эберга. Он помогает живым.

Я невольно слышу, как Курнатовский, Эберг и — с ними — адъютант и курьер для особых поручений при штабе Шеховцев говорят с несколькими офицерами у окна. Среди них выделяется высокий военный. Привычно отмечаю детали, с моим недостатком это особенно важно — запомнить жесты, одежду, привычки. У всех они разные: кто потирает руки, кто вынимает по-

минутно часы. А вот этот господин спокоен, только одна бровь немного приподнимается все время вверх (нервный тик). В волосах и усах нет седины, но у глаз заломы морщин, а на щеках видны фиолетовые сосуды — рискую предположить диагноз «атеросклероз», интересная болезнь из недавно открытых. Значит, он старше лет на пять, чем кажется на первый взгляд. Это выборный атаман Войска Донского, один из командующих силами армии здесь, на Юге России. Обрывки их разговора долетают до меня, суются под руку, отвлекают и мешают.

— Лисица не кончил курса, вы правы, но он врач, поверьте, — это вступает сам Эберг, поддерживая меня. — Важнее то, что у него опыт есть, специализируется на судебной медицине. Работает передовыми методами, сам иногда удивляюсь. Ян Алексеевич, что скажете?

И тут же Курнатовский — ему в тон:

— Репутацию у меня заработал, я поручусь. Да и потом, ведь у нас никого другого нет, вы и сами это знаете. До того ли сейчас медикам?

К таким разговорам я привык. Точнее, приучил себя. Пусть обсуждают. И все равно мысленно я проговаривал все то, что хотел

бы сказать господину атаману вслух. Уверенность большинства сторонних лиц в том, что любой врач может проводить манипуляции с телом, не погубив улику, была нелепа, но с ней приходилось считаться. Чтобы сдержаться и не вступить в спор (моя вспыльчивость и без того уже многого мне стоила), я повторяю про себя нужные главы из «Пособника при судебно-медицинском исследовании трупа». Но, видимо, решение принято, ко мне идет Шеховцев. Пожимая руку, он говорит, что меня допустят к телу, и дальше, чуть тише:

— Курнатовский прав — других взять неоткуда. Уж не сердитесь, но это для атамана аргумент. Да и имя Льва Кирилловича сыграло роль.

При упоминании Льва Кирилловича Шеховцев смутился — он всегда легко краснеет, а тут получилось, что он неловко намекнул на протекцию, которую мне оказывает Лев Кириллович Вольский (ЛК, как называли его в нашей семье; сейчас его так называю только я). В ответ на слова Шеховцева я промолчал, сделав вид, что не заметил бестактности. Шеховцев мне нравится, он всем нравится. Хоть он и появился в штабе не-

давно, но мы с ним быстро по-дружески сошлись. Может, дело в возрасте? Он, по всей видимости, еще моложе меня.

В наш разговор вмешивается Курнатовский и довольно бесцеремонно просит всех подождать за дверью. Когда мы остаемся втроем с телом, он переходит к делу сразу без лишних объяснений:

— Вы можете продолжать, Егор? Все необходимое с вами.

Мой медицинский саквояж — на широком мраморном подоконнике. Конечно, он не так хорошо собран, как известный чемодан Вэймана для судебных машин в Берлине. Но он был собран по его образцу, и все мне нужное там было. Толстый, с широкими боками, потертый, но хорошей кожи, вид его внушал мне уверенность, как вид товарища.

— Смотрите, картина, по-моему, ясная. Была драка, разбили голову... — Курнатовский приподнял руку мертвеца, осматривая кисть с обрубками пальцев. — Какие звери! «Гастролеров» сейчас полно, и из Одессы, и из Харькова. Да и московские бандиты есть. Но это вот наверняка подельники Гришки-кота. Они такие шутки выдумывают: режут уши, пальцы. У табачной фабрики

ки с прохожего сняли все — он, видно, стал яриться, так убили и нос отрезали. Злодеи злодействуют, и злодействуют злодеи злодейски. — Бормоча любимую цитату из книги пророка Исаии, он поднялся.

Оружия, которым были отрезаны пальцы, при осмотре помещения не нашли. Но вряд ли это нож, слишком нетипичное лезвие, судя по срезу. Если бы оружие нашлось, можно было бы попытаться применить новый метод исследования — дактилоскопию. Пальцевые отпечатки действительно помогали в поисках преступника, как в Европе, так и в России несколько раз послужив доказательством вины.

Я помнил нашумевший процесс в столичном окружном суде (убийство), где именно дактилоскопия помогла определить виновного — о нем много и подробно писали в «Вестнике полиции». И сам принцип взятия отпечатков я хорошо знал. Нужна была только штампельная подушечка для оттисков. Здесь смысла затевать проверку не было. Ведь пришлось бы разыскать всех, кто заходил в комнату за последние несколько дней. Сизифов труд: в штабе постоянно толклись десятки людей. Но затея с отпечатками полностью бесполезна еще и потому, что

никакой картотеки в городской полиции нет. У наших консерваторов пока еще не было ни бертильонажа, ни полного каталога фотографических карточек, хотя столичная полиция уже давно издавала разыскные альбомы, а за номером 42 были объявлены правила дактилоскопирования задержанных.

Фотограф здесь был хороший. Но дело шло совсем не быстро. Курнатовский, поддерживая меня в остальном, всегда говорил, что и он, и любой околоточный знает всех городских негодяев и душегубов в лицо. А если будет «гастролер», так на этот случай можно запросить в столице полное описание по приметам. По фото же их сложно идентифицировать: стоит злоумышленнику, например, отрастить или, наоборот, сбрить густую бороду — и его невозможно узнать. Мои размышления прерывает сам Курнатовский:

— И ножа нет? Ну правильно, хороший нож не бросят. Не люблю поспешно судить, но здесь картина более или менее ясная. Как только они рискнули залезть в штаб? Хотя большой куш соблазнил, понятно.

— Куш?

— Потом об этом. Значит, рискнули.

16 А беспорядки только на руку. Если б власть

снова поменялась, так и вообще никакого расследования не было бы.

Курнатовский наверняка был прав. Какой тут порядок, когда Ростов жил короткими, неглубокими вдохами между сменами власти! Обыватель, ложась спать, не знал, что увидит наутро. Как бы продолжая сон, нелепый и тревожный, конница с рдеющими флагами вошла в город на снежное Рождество, когда в витринах лавок были выставлены сахарные ангелы. Приказчики, покупатели и безглазые ангелы через витрины смотрели, как по Большому проспекту мчится автомобиль с красным бантом на стекле. С той поры, казалось, пробуждения так и не наступило. Добровольческая армия отбила город снова в праздник, начав атаку в Страстную субботу. И уже следующей — пасхальной — ночью офицеры с белыми погонами зашли в храм на окраине города, где шла торжественная служба, поразив явлением священника и прихожан. Потом уже власти сменяли друг друга, как месяцы. Между ними сухо сыпалась ружейная стрельба.

Вокзал был переполнен в любое время. Кассы, перроны пестры от людей, будто на ярмарке. По ночам в порту протяжно, как

звери, воют пароходы, перекликаясь с паровозным гудком. Биржа работает круглые сутки. На улицах столичные знаменитости раскланиваются с московскими, политики и аферисты заказывают пятирублевое шамбли, жаркое на водке для аромата или раков а-ля бордолез и зернистую икру в зале лучшего в городе ресторана «Сан-Ремо». Из ресторана гремит музыка. Сквозь высокое окно заведения печальными, как у лошади, глазами смотрит зазывала-негритенок.

Занятия в гимназиях не отменяли. Каждое утро аккуратные служащие шли в конторы. Часто, особенно в первые дни после смены любой власти, им приходилось отводить глаза от виселиц или конвойных, утыкаясь с одинаковым интересом и в афиши картинных вернисажей, и в политические или патриотические плакаты, и в призывы сохранять спокойствие, расклеенные по всему городу. Жизнь шла своим чередом. К чаю бывал хороший хлеб, за ним у кофейни Филиппова теперь стояли «хвосты» — очереди. («Хвосты» — новое слово, оно появилось после переворота.) Иногда в «хвостах» у Филиппова дежурили сутками прямо на тротуарах, на матрацах.

И все-таки здесь, на юге, продукты еще были. По-домашнему накрывали столы с непременно белым армянским сыром и «греческим» вареньем, когда абрикос, а по-местному *жердела*, сохранялся в сладком густом янтарном сиропе целым. В варенье для этого добавляли известь. Закипал электрический чайник, хлопали двери, принося речной свежий запах и впуская новых гостей. За окнами в плоском степном небе поднимались крупные звезды, а гости все не расходились, все говорили, затевали политические споры, страшась тишины, обмениваясь новостями. Долго главной новостью было ожидание гастролей труппы артистов МХАТ, которые давали турне по югу России. Да только вот на сцену вышла бактерия *Rickettsia*¹, газеты вспыхнули словами «тиф», «эпидемия», и здание театра спешно переоборудовали в сыпнотифозный госпиталь.

Пена страхов и слухов топила город. Спиритизм стал популярнее граммофона. В темных столовых вызывали дух мертвого Распутина, духов помельче и почему-то «знаменитого русского писателя». Ходили к га-

¹ *Rickettsia* (лат.) – род бактерий – внутриклеточных паразитов.

далкам, с неясной надеждой пересказывали самые невероятные истории о секте хлыстов, искали знаки и непреложные указания в идеях мадам Блаватской. В газетах патриарх осуждал слухи о конце света, который казался уже близким, как будто в любой день бледное небо обрушится прямо на острые купола и зеленую крышу конторы государственного банка. А вокруг города лежала плотная, пустая, широкая, как море, степь. Море, от которого ждут большого шторма. Неделю назад из степи подул новый ветер, «низовка» — так его называют тут. С ним пришла большая вода, которая подтопила улицы. И новая смена власти. Сразу за этим, в попытке стянуть силы или по другим причинам, штаб перевели из столицы Войска Донского — Новочеркаска — сюда, в Ростов.

Не прошло и двух дней со смены флагов, как Курнатовского, а потом и меня разыскали и привели к улыбающемуся мертвецу. Курнатовский был уверен, что смерть телеграфиста — дело рук бандитов. Действительно, после переворота в городе стало гораздо больше криминалитета. На юг бегут не только добропорядочные граждане, но и воры, убийцы, аферисты и жулики всех мастей. Да

и местные, которые раньше специализировались на денежных махинациях и ловких кражах, стали отчаяннее. Почти две сотни ростовских уголовников бежали из Богатыновского централа под шум беспорядков. Каждую ночь постреливали, по вечерам никто не ходил в одиночку.

И все-таки я не согласен.

— Ян Алексеевич! — Я показываю Курнатовскому место среза на кисти. — Видите, как мало крови? Значит, отрезали после смерти и прямо хирургически точно. И обратите внимание, мускулы абсолютно ригидны, значит, кулак он сжал в момент смерти. И как сжал — не разогнуть!

— Банда тоже режет неживым... Хоть и куражатся. — Отвечая мне, Курнатовский рассматривает телеграфный аппарат, коснулся пальцем черного рычажка и взялся за листы с расшифровками телеграмм. — А куража-то не хватило по живому резать.

— Отрезали указательный и средний палец. Неудобно. Почему не кисть? Вообще странная картина. Нужно вскрытие. Зрачки у него сужены, еще улыбка. — При этих словах мы оба невольно посмотрели на скалящееся тело на полу. — Я пока представить не

могу, что могло ее вызвать. И одно могу сказать: вряд ли причиной смерти стала травма головы. Но явно хотели, чтобы так выглядело. Мебель могли перевернуть нарочно.

Курнатовский слушает спокойно, не перебивая. Пока я завершаю осмотр тела, он, не суетясь, деловито осматривает комнату.

— Да, вы правы, — заглянув за стол, он поднял чернильницу, — этот стол прямо уж так аккуратно лег набок, бумаги ровнехонько стопкой упали, но главное, чернила не разбрызганы — просто лужица.

— Можем предположить, что и драки не было?

— Старались действовать тихо, стол перевернули, чтобы имитировать борьбу? Предположим. А рана на затылке?

— От удара об угол стола. Свидетельств борьбы на теле нет, его одежда в порядке, нет синяков, нет царапин. Не похоже на бандитское ограбление. Что же он не сопротивлялся, увидев чужих, не позвал на помощь?

— Допустим. Но и вы не все знаете. Кое-что существенное пропало.

— Тот самый куш?

— Он.

Глава вторая

ШТАБ. КУШ

Поднимаются санитары, которые приехали, чтобы забрать тело. Мы с Курнатовским выходим из бывшего Зимнего сада. Впереди коридор и открытые двери в небольшую круглую комнату, видимо, бывшую курительную. Сейчас в ней довольно сильно накурено, там переговаривается группа мужчин. Они смотрят на нас издалека, затем отворачиваются и продолжают разговор.

— Кто нашел тело?

— Шеховцев.

У высокого окна, запотевшего от дождя, обычно общительный Шеховцев стоит отдельно от всех. На него не похоже. Он видел

смерть, несмотря на молодость. Неужели его так задела смерть бытовая? При штабе Шеховцев недавно, но сейчас офицерские карьеры делаются с головокружительной скоростью.

— Кто еще был в штабе ночью, Ян Алексеевич, узнали?

Мы медлим, не подходим, и беседующие все чаще посматривают на нас. Может быть, поэтому Курнатовский вдруг отвечает, понизив голос:

— На подступах бои шли всю ночь. Здесь оставались только несколько человек. Шеховцев — на поручениях, так что его просили неотлучно быть. Он и вот те господа в курительной были все время.

— Один из них, — Курнатовский аккуратно кивает в сторону одного из компании в курительной, — штабс-капитан Чекилев, инженер-электротехник. Этой ночью его не вызывали, но он помогал с наладкой связи. Бывает здесь во всякое время. Это все, что удалось выяснить пока.

Невысокий широкоплечий Чекилев в гражданском, отлично сидящем костюме (но выправка военная) меньше других обращает на нас внимание.

— Из тех самых Чекилевых?

— Да, младший сын. С началом войны вернулся, учился где-то за границей и работал там в представительстве семейного дела.

Не скрывая интереса, в упор, почти невежливо смотрит в нашу сторону, а может, сквозь нас, его собеседник, полноватый, солидный. Если Чекилева я видел здесь и раньше, то этот господин мне совсем незнаком. Его манеру я бы запомнил — немного неловкие, но и не суетливые движения.

— А этот?

— Говорят, это чиновник Владикавказской железной дороги. Прибыл буквально накануне из Екатеринодара. Якобы то ли с проверкой железнодорожных путей, то ли насчет беспорядков на дороге среди путевых рабочих. На самом деле подозреваю, что он здесь по другому ведомству. И по другому делу, по которому уже бывал здесь во время войны с немцами.

— Зингер?

Эта крупнейшая мировая фирма работает в городе давно. Немецкого капитала вообще у нас было вложено много — и в химические заводы, и в другие предприятия.

У Зингера дело было поставлено широко. Во всех смыслах. Во время войны в ее представительстве в городе разоблачили германских шпионов. Скандал наделал много шума. Курнатовский, однако, не подтверждает это мое предположение, но и не опровергает его.

— Одно могу сказать: беспорядки на дорогах его вполне могут интересовать вовсе не по линии министерства путей сообщения. Мы ведь так и не узнали, кто в железнодорожных мастерских упорно мутит воду. Шеховцева можно аккуратно расспросить, он к вам расположен. Так вот он намекал, что не только знаком с этим господином, но и чуть ли не посвящен во все подробности его дела здесь.

— Вы же знаете, Шеховцев любит прихвастнуть.

Он не успевает ответить, как из курительной к нам решительно направляется господин с военной выправкой — Чекилев, через руку у него перекинута пальто.

— Господа, я прошу прощения, мы не знакомы. Позвольте представиться: Максим Романович Чекилев. — Он протягивает визитную карточку Курнатовскому и говорит

только с ним. — Вы здесь руководите следственными действиями?

Курнатовский наклоняет голову, оставляя вопрос без ответа.

— Я должен ехать. Оставляю вам свою визитную карточку. Там есть номер — телефонируйте мне в любое время.

Но не тут-то было — коса явно нашла на камень.

— Вы прекрасно знаете, что не можете сейчас уехать!

Коротко извинившись, Курнатовский уходит. Мы остаемся вдвоем, и я вспоминаю желтого тигра в зверинце: как он хлещет хвостом по решетке своей клетки. Чекилев явно взбешен коротким отказом.

— Тришкина свадьба! Чертовски досадно, это бестолковая трата моего времени.

Чекилев раздраженно вертит в руках трость и, думаю, готов уйти в нарушение всех пожеланий следствия. Нужно задержать.

— Вам не жаль погибшего?

— Мне? Жаль, хотя я его и не знал. Но ведь помочь мне нечем... — Тут он спохватился и протянул мне руку. — Максим Романович Чекилев. А я, простите, с кем имею честь?

Я представился, не без умысла упомянув о том, что в штаб я вызван как судебный врач.

— Я работаю с полицией, и у меня не пустой интерес, ведь вы помогали налаживать связь. Наверняка часто говорили с телеграфистами?

Чекилев или не собирается, или не успевает ответить. К нам присоединяется тот самый незнакомый мне чиновник железной дороги — Беденко. Он здороваётся и смотрит дружелюбно. Стали понятны и его казавшиеся неловкими движения — при знакомстве он протягивает левую руку. Манеры Беденко располагают к себе, но чувствуется, что он, как и все здесь, напряжен и говорит с осторожностью, взвешивая каждое слово.

— Вы судебный врач? Очень современно, что вы приглашены на место преступления, это передовая практика.

— А вы знакомы с работой полиции?

— Немного. По роду службы.

— Тогда, может, сочтете возможным ответить, где вы были ночью? Возможно, вы видели или слышали что-то?

Подошедший Курнатовский явно слышит часть нашего разговора.

— Господа, это просьба ко всем — помочь нашей работе. Ведь грабители должны были пойти на огромный риск, наверняка зашли с шумом.

Инженер Чекилев выразительно молчит, и, чтобы сгладить неловкость, Беденко заверяет меня, что готов всемерно помочь, но, к сожалению, покойного совсем не знал.

— Не пришлось пока обратиться к телеграфистам. И насчет этой ночи сказать нечего, — в такой же вежливой манере объясняет он. — Я был все время в музыкальной гостиной — бывшей, разумеется. Это небольшая комната, дальше по коридору. Там теперь архив.

Беденко неторопливо достает портсигар, угощает папиросами.

— Но ведь все здесь ждали новостей. Неужели не зашли узнать? — Курнатовский задает этот вопрос сразу всем. — А вы, — повернувшись к Чекилеву, — не были у телеграфистов?

— Такая ночь! Не припомню точно, где я вообще был. — Инженер вовсе не выглядит человеком рассеянным. — Заглядывал в гараж. Нет, мне нечем помочь.

Расспросы приходится прервать. За дверью все ближе уверенные голоса. Сре-

ди них я узнаю голос ЛК. Еще одна группа военных входит с шумом. Я не ошибся: он с ними. На ходу ЛК кивает нам. Теперь место преступления для меня закрыто. Мы с Курнатовским ждем в стороне. За окнами по-прежнему плотный туман. Никак окончательно не рассветет.

— Здание ночью было почти пустым. Момент уж очень неудачный — такая неразбериха, стрельба...

— Или наоборот, слишком удачный, Ян Алексеевич?

— Возможно. Что же еще? Ну, несколько штабных были наверху. Казак-часовой в верхнем этаже, еще двое внизу. Часовые на глазах друг у друга, чужого бы не пропустили. Хотя — кто сторож брату своему? — могли вступить в сговор. Но зачем? Люди проверенные, других бы не поставили. Кроме того, я распорядился все тщательно осмотреть. Ни при них, ни где-то еще в доме украденное не найдено.

— Да что же именно пропало?

— Это любопытно, хотя еще одна головная боль нам серьезная. Но! Как раз довод в пользу моей версии: ограбление. Я вам покажу, пойдете.

В бывшей спальне — видимо, жены владельца особняка Парамонова — кровать убрали. Но широкий, блестящий, как операционный, стол с круглым зеркалом, уставленный флаконами, не оставляет сомнений в том, что это комната женщины. Курнатовский подводит меня к небольшому, стоящему на столе стальному сейфу. На полу под ним валяется металлический цилиндр, медный бок которого слился по цвету с ковром.

— Фотографии уже сделаны?

— Да.

Подойдя ближе, я поднимаю и рассматриваю эту странную штуку. Это не цилиндр, как мне показалось вначале, а медное кольцо. В кольцо вложены мелкие черные буквы и цифры, похожие на те, что отбивает пишущая машинка Ремингтона.

— Знаете, что это? — спрашивает Курнатовский. — Три миллиона донских денежных знаков.

Он быстро объясняет, но я уже догадался и сам.

— Это клише для печатания денег. Не само клише, а часть нужного набора, чтобы печатать деньги.

— Фальшивые?

— Вовсе нет. Абсолютно настоящие. Именно клише и украдены, а вот эту деталь не заметили — видно, выронили в спешке.

Похоже на правду. На юге после переворота стали печатать свои деньги. Они ходили повсюду, как и привычные, «старые» рубли. Накануне, когда снова сменилась власть, отступающие большевики очистили кладовые конторы государственного банка. Самоуправление города обнаружило, что ряды широко раскинувших лапы люстр под потолком освещают пустые залы, пустые высокие шкафы с сотней отделений. Почти все печатные машины, большую часть запаса краски и бумаги экспедиции по изготовлению дензнаков большевики увезли с собой. Взяли подчистую «металлический фонд» и купюры, а часть облигаций займов сгорела. Спешно было решено отпечатать три миллиона 25-рублевков — только на эту сумму хватало оставшегося запаса бумаги.

— И все-таки соглашусь, пожалуй, с вами, Егор: момент выбран отлично. Постоянные перебои с электричеством тоже им на руку. В особняке есть сигнализация. Она не сработала. А так все просто: дожда-

лись, пока в здании останется один дежурный и несколько офицеров.

— Но откуда узнали, что клише будут здесь? Кто-то в банке информирует их? Сомнительно. Допустим, следили, увидели, что штаб почти пуст. Понадеялись на суматоху (стычка же!), вошли, Вареник застал их, пытался сопротивляться.

— Да, именно такая картина. По голове стукнули, чтобы не шумел. Быстренько взяли что нужно, а пальцы из звериного озорства, что, мол, нате, выкусите. Или как знак, что это их дело. Смелость нужна все-таки для такого.

— А следы крови — ею выпачкан угол стола?

— Да просто, допустим, отрезал пальцы и таким образом испачкал руку, оперся или зацепил.

— Но следов борьбы нет, вы сами это видели. И потом, этот спазм мышц лица...

— Улыбка, — морщится Курнатовский.

— Улыбка... В общем, Ян Алексеевич, я готов настаивать, что в судебном вскрытии я должен участвовать. Думаю, несмотря на обстановку, от предписаний не отступят, а любая подозрительная смерть подразумевает эту процедуру.

— Не уверен. Да и станут ли вас слушать? Но хорошо. Я поговорю и, если придется, обращусь к ЛК. Знаю, что вы не любите его протекции, однако без нее нам никак. Думаю, им будет важнее узнать, как чужие смогли войти в здание. Сами понимаете, смерть этого несчастного телеграфиста сама по себе мелкое происшествие.

«Мелкое происшествие» — вот так. А Вареник как-то угостил меня крепким чаем, когда я ждал окончания одного из бесконечных совещаний ЛК. Но все же Курнатовский циник не по природе, а по привычке. Поэтому я молча рассматриваю медали на стенках несгораемого шкафа и табличку фирмы-изготовителя «Бр. Смирновы», но не вижу следов взлома. Впрочем, в этом я не специалист.

— А сейф открыли или взломан?

— Открыли. Запорный механизм не самый сложный. Видно, здесь держали те побрякушки, которые не отправляли на хранение в банк. А может, и вовсе письма. Из тех, что обычно хранят женщины.

— Про женщин не уверен, но вот клише здесь явно не место. Почему они хранились здесь, в штабе, а не в конторе госбанка?

— Как временная мера. Штаб не так давно перевели сюда из столицы.

Никак не могу привыкнуть, что здесь, когда говорят о столице, имеют в виду Новочеркасск, столицу области Войска Донского. Действительно, какие-то трения в руководящих силах Добровольческой армии привели к тому, что штаб спешно переехал в Ростов.

— Да что там! Порядок только начали восстанавливать, сами знаете. — Курнатовский, не прекращая разговора, подписывает протокол осмотра. В углу возится, собирая тонкие, насекомые ноги аппарата, полицейский фотограф.

* * *

На лестнице, где были навалены книги, нас обогнали санитары с носилками. То ли мелкий снег, то ли морозящий дождь все еще сыпал с неба. Зевак нет, редкие прохожие быстро идут мимо. Мне показалось, что мелькнула круглая спина знакомого репортера.

— День тьмы и мрака, день облачный и туманный... — Курнатовский любит цитировать библейские тексты по любому поводу. — Снова дождь, прямо-таки итальянская

Венеция. Мало нам было революции, так еще и божья кара, как по-писаному. Разверзлись хляби небесные. — И он раскрыл свой длинный складной зонт.

Я повыше поднял воротник пальто, но за него тут же полезли холодные капли. Санитар, одетый по погоде в форменную куртку «австрийку» и шапку-кубанку с эмалевым крестом, докурил папиросу и покосился на нас.

— Как только добралась сюда санитарная машина? — спросил Курнатовский.

— Толкали, на подъеме встали. По самые двери машина в грязи, и мы по уши. А там, — кивнул на здание за спиной, — не так полы и истоптаны. Даже неловко было — мы грязи принесли, галоши ведь не снять.

— Знаете, Егор, говорят, что казаки из станиц за Доном могут определить даже на траве след копыт, прямо как индейцы Нового Света. — Слова санитаря о следах в особняке явно заинтересовали Курнатовского.

— Сами знаете, я не казак и не индеец. У подъезда столько перебивало с утра людей и лошадей, была и санитарная машина, так что в этом месиве уже ничего не разобрать. Есть хороший метод снятия следов

шин — гипсовый слепок, но следы должны быть свежими, а не эта каша.

Следы меня не занимали. Их и сам черт теперь не найдет — вода на улицах стоит прямо вровень с лестницами подъездов. Одни только санитары принесли почти пуд тяжелой и черной ростовской грязи.

Санитар докурил папиросу и ушел. Курнатовский как раз говорил мне, что проверяют все подвальные окна и черные ходы, когда за спиной послышались приближающиеся голоса. Группа военных спустилась, садится в автомобиль, прощается. Чекилев и Беденко уходят оборачиваясь. Поймав мой взгляд, Чекилев приподнимает фуражку, словно в шутовском прощании.

С фасада напротив сдирают кумачовые полотна с белыми буквами, которые в мороси и тумане плохо читаются, но все-таки можно разобрать обрывки слов: «Вла... советам... да здрав...» Выписанный белой краской восклицательный знак воззвания стоит в луже, ткань быстро намокает, вбирая воду.

Глава третья

РОСТОВ. ЭБЕРГ

Ночи уже не было, и не было рассвета. Пустые улицы в ожидании, темные силуэты каменных львов у фонтана, церковь на площади, видная неясно. Проехал одинокий «Паккард» городской пожарной команды с разбитым фонарем. Пальто от мокрого снега казалось тяжелым, как мешок. Мои следы на снегу оставляли голубоватые лужицы талой воды. Падающий снег красил в белый цвет кованые розы на оградах домов вдоль бульвара, стволы платанов, скамьи.

Большие каменные лица на фасадах смотрели на меня сверху, как боги. Совершенные, равнодушные. Их улыбки были невы-

разительными. Совсем не то, что у мертвого телеграфиста. Что могло так парализовать мышцы, вызвать этот оскал — травма головы, падение или удар? После посмертного исследования тела картина станет яснее, и нужно добиться, чтобы мне дали возможность на нем ассистировать. Сейчас не так уж строго придерживались правил, но, чтобы там ни говорил Курнатовский, о случаях нарушения свода устава судебной медицины я пока не слышал. По этому уставу осмотр должны производить городские врачи. Придется уж очень сильно постараться, чтобы вмешаться доверили мне — студенту, которого выгнали еще до того, как он успел подписать «факультетское обещание».

В низкой арке двора в темноте белели лица и были еле видны ленты на бескозырке матроса. Я, пара гимназистов, какой-то бывший солдат без руки и еще несколько прохожих остановились послушать. Моряк говорил уверенно. Но непонятно было, за что агитирует — ругал он всех, и речь его часто перешагивала с одной мысли на другую. Да и послушать толком не удалось: в арке мелькнула черная шинель Эберга — и я поспешил за ним. По тому, как раздраженно

он отряхивал снег, набившийся в петлицы и в маленький эмалированный крест на шинели, топал галошами, было видно, что он сильно задет чем-то.

— Зачем вы это слушаете? Сами ведь говорили мне, что вам спать некогда, верно? — Невысокий Эберг, когда злился, становился, кажется, выше ростом. — А на это тратить драгоценное время зачем? Конечно, ваше дело.

— Карл Иванович, я ждал вас. Остановился только из любопытства — узнать, за кого агитация.

Спорить я не стал. Все споры мы уже проговорили в то время, когда я считал, что переворот как встряска необходим и он несет перемены только к лучшему, надежды на реформы, в том числе и там, где это касалось моей работы. С того времени уверенность в благих переменах я немного потерял, как и доверие к агитаторам. И стал лучше понимать чувства Эберга, которому переворот был неприятен почти физически. Враг беспорядка во всем до мелочей, по роду занятий хорошо знающий социальное устройство, революцию он не принял, поддержал резолюцию съезда Пироговского об-

щества врачей с резкой критикой переворота. Эберг был твердо убежден, что события будут развиваться только в худшую сторону, и тем не менее продолжал регулярно и аккуратно принимать пациентов. Выделял он несколько часов в неделю и на работу в госпитале. Именно оттуда он и шел сейчас, как я думал. Но я ошибся.

— Я был все это время в штабе, решал вопрос о вашем деле, — говорил Эберг, когда мы шли к его дому. — Устал спорить. Посмертное вскрытие будет, однако вот добиться, чтобы провели его вы, мне не удалось. Но и кому вы могли бы ассистировать, до сих пор не ясно.

Дом с номером 3 на белой эмали, в котором жил Эберг, мог удивить неподготовленного гостя. Каменный фасад, а к нему приставлено затейливое деревянное крыльцо с высокой крышей на манер теремка или китайской пагоды. К крыльцу ведут высокие каменные ступени, по бокам — мелкие окошки с решетками. Над этажами — башенка. Через холодный туман в ней светится окно — значит, дочь Эберга читает или слушает граммофонные пластинки.

Уже год я снимал у доктора комнату, но на самом деле жилец из меня неважный. Платил я нерегулярно. Отвратительное, признаюсь, положение, но поделаться я ничего не мог. Своим долгам вел учет до лучших времен или до банковского перевода от тетки из Кисловодска. Родители оставили мне небольшое наследство, которым эта энергичная женщина распорядилась очень умело. Старшая сестра отца, она одной из первых окончила женские курсы, а на кухне держала поваренную книгу общества вегетарианцев с назидательным заглавием «Я никого не ем». К бланку почтово-телеграфного перевода от нее всегда было приложено письмо или интереснейшая статья. Но в последнее время деньги стали приходиться совсем нерегулярно.

Ужасно хотелось горячего чаю с лимоном. Эти дни в городе, когда уходящая зима клюкой цепляла весну, были всегда промозглыми. То шел неприятно колючий дождь вперемешку со снегом, то наступали дикие морозы, когда на толстый лед реки не выходили даже конькобежцы. Из гордости я редко садился за стол с Эбергами, как бы энергично они ни приглашали. Чаще зака-

зывал дешевый обед из столовой неподалеку от дома (скверный суп, неплохое жаркое или местная рыба). Иногда просто варил на спиртовке кофе, поджаривал хлеб. Но сегодня мне нужен был совет. И способ закрыть ту дверь в своей голове, за которой лежал Вареник с его широкой улыбкой. Хотя бы на время.

В столовой уже было накрыто. Хозяйство Эберга вели кухарка и горничная. А за самовар, как хозяйка, всегда садилась дочь Аглая. По-гречески значит «блистающая», но Аглаей она не была ни для кого — только Глашей.

— Глаша, вы сегодня уж очень молчаливы. Поговорите со мной немного? Или есть серьезный повод — опять въехали вместо Индийского в Тихий океан и плохую оценку по географии схватили?

Однажды такая история произошла с Глашей в гимназии. Но она не откликнулась на шутку.

— Говорят, что утром была стрельба за городом. Много девочек не пришли сегодня.

Очень серьезно она раскладывала варенье и резала хлеб, чашку передавала держа обеими руками, чтобы не расплескать. Гла-